

Научная статья

УДК 811.16

DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-110-123

Полипредикативные причинные конструкции в словацком языке

Наталья Михайловна Заика

Институт лингвистических исследований РАН

Санкт-Петербург, Россия

zaiika.nat@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0635-980X>

Аннотация

В статье предпринимается попытка создания типологического описания наиболее распространенных словацких причинных союзов *kedže*, *lebo* и *pretože* и выявления их сочинительного/подчинительного статуса. Материалом для исследования послужил Словацкий национальный корпус и грамматические описания словацкого языка; в исследовании также использовался метод элицитации, для чего была создана анкета из 45 стимульных предложений, позволяющих выявлять исследуемые параметры типологического варьирования. Особое внимание при этом уделяется параметрам, связанным с семантическими типами употреблений причинных клауз, вводимых рассматриваемыми союзами.

В исследовании анализировались следующие типологически релевантные параметры клауз, ассоциируемые с сочинительностью/подчинительностью: способность причинной клаузы стоять в препозиции и постпозиции по отношению к главной, способность причинной клаузы выступать с фокусными показателями и под отрицанием, способность причинной клаузы отвечать на вопрос ‘Почему?..’, семантический тип причинной клаузы. Сочинительность/подчинительность союза может трактоваться не как бинарное свойство, а как набор параметров, по которым показатель может быть сочинительным в одних отношениях и подчинительным в других (такой подход широко принят в лингвистике, ср., например, разграничение деривации и словоизменения, переходных и непереходных предикатов, клитик и аффиксов).

Каждый из трех рассмотренных причинных союзов демонстрирует признаки как сочинения, так и подчинения. Так, наибольшим количеством сочинительных свойств (пять из шести) обладает союз *lebo*, что, вероятно, связано с его происхождением из дискурсивных маркеров, употреблявшихся в сочинительных конструкциях, а наибольшим количеством подчинительных свойств обладает союз *kedže*. Этот союз ведет себя неоднородно в плане употребления в иллокутивных конструкциях: он может употребляться в конструкциях с императивной модальностью, но не вопросительной, при том, что во многих работах эти два свойства объединяются в один параметр варьирования. Союз *pretože* в отношении семантических параметров ведет себя как сочинительный, а в отношении способности клаузы к фокализации – как подчинительный.

Ключевые слова

семантика, синтаксис, сочинение, подчинение, причинные конструкции, словацкий язык

Благодарности

Автор выражает искреннюю благодарность информанту, носителю словацкого языка К. Дж. и преподавателю словацкого языка, доц. В. С. Князьковой за помощь в работе с языковым материалом. Все ошибки остаются на совести автора.

Для цитирования

Заика Н. М. Полипредикативные причинные конструкции в словацком языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 1. С. 110–123. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-110-123

© Заика Н. М., 2025

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 1

Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2025, vol. 23, no. 1

Multiclausal Causal Constructions in Slovak

Natalia M. Zaika

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation

zaika.nat@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0635-980X>

Abstract

The article proposes a typological description of the most common causal conjunctions (*kedže*, *lebo* and *pretože*) in Slovak in terms of coordination vs subordination meanings. The research is based on the Slovak National Corpus and grammatical descriptions, as well as on elicitation from a native speaker of Slovak through a questionnaire designed to identify relevant typological parameters. The parameters under study include the position of the causal clause relative to the consequence clause, as well as its propensity to occur with focus particles and under negation, to introduce answers to *why*-questions and occur on different semantic levels (content, epistemic and speech act levels in Eve Sweetser's terms). Particular attention is paid to the latter, less studied, set of parameters. These parameters are often related to coordination and subordination properties, with coordinability regarded as a multi-parameter term (cf. a similar approach to transitivity by P. Hopper and S. Thompson or the differentiation of clitics from affixes by A. Zwicky and G. Pullum). Each of the three causal conjunctions under consideration proves to combine coordination and subordination features. *Lebo* as "the most coordinative" conjunction demonstrates only one subordination feature, an ability to introduce answers to *why*-questions (probably due to its origin from discourse markers used in coordinate constructions), while *kedže* proves to possess the highest proportion of subordination features. Moreover, *kedže* behaves heterogeneously with regard to speech act constructions where it can occur in imperative sentences, but not in interrogative ones. The conjunction *pretože* behaves as coordinate in semantic terms and as subordinate in terms of focusability. All the three conjunctions tend to function as coordinate in semantic terms while displaying varying behavior in the syntactic domain as regards the degree of focusability and the position of the causal clause.

Further research is required to describe typological properties of less common Slovak conjunctions.

Keywords

Semantics, syntax, coordination, subordination, causal constructions, Slovak

Acknowledgements

I would like to thank a native speaker of Slovak K. Dž. and a Slovak teacher, Associate Professor Viktoria S. Kniazkova for their invaluable help with linguistic data. All the errors are mine.

For citation

Zaika N. M. Multiclausal Causal Constructions in Slovak. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 110–123. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-110-123

1. Введение

Полипредикативные причинные конструкции во многих славянских языках, в том числе в словацком, являются недообследованными. Некоторые сведения об устройстве этих конструкций можно найти прежде всего в грамматиках языка [Dvoňč and др., 1966], а также в ряде статей, преимущественно на словацком языке. Исследование причинных конструкций в диалектном аспекте, с опорой на философские представления о времени, представлено в статье П. Жиго, в которой упоминается о некоторых особенностях ареального распределения причинных союзов в словацком (так, автор отмечает, что союз *lebo* имеет более высокую частоту в центрально- и западнословацком ареале, *bo* – в восточнословацком ареале, *že* и *kedže* – в центральнословацком ареале) [Žigo, 2003. С. 182–183]. Описание ряда свойств словацких причинных союзов и клауз, вводимых этими союзами, основанное на корпусных данных, представлено в [Kesselová, 2013]: в данной работе утверждается, что союзы *pretože* и *kedže* соотносятся, скорее, с объективной причиной, а *lebo* – с субъективной; в качестве одного из аргументов автор приводит тот факт, что *lebo* чаще употребляется в художественном (субъективном) стиле, *kedže* – в публицистическом (субъективно-объективном) стиле, а *pretože* – в научном (объективном) стиле [Kesselová, 2013. С. 43].

В настоящей статье мы рассмотрим свойства словацких причинных союзов *kedže*, *lebo* и *pretože*, наиболее часто упоминаемых в грамматических описаниях языка (так, в работе [Kesselová, 2013. С. 43] они трактуются как центральные операторы причины, а в грамматике [Dvonč и др., 1966. С. 724] отмечено, что *lebo* является самым частотным причинным союзом в словацком языке). Происхождение этих причинных показателей вполне типично для индоевропейских и, в частности, славянских языков: союз *kedže* происходит из временного союза *ked'* и частицы *že*, союз *lebo* – из двух единиц, восходящих к праславянским **le* и **bo* [Guseva, 2012. С. 5], союз *pretože* – из предлога с целевым значением *pre*, указательного местоимения *to* и частицы *že*.

Целью исследования является типологическое описание словацких причинных союзов и выявление их сочинительного/подчинительного статуса, что является важной проблемой типологии адвербиальных клаузов. При этом особое внимание обращается на те параметры, на которые в меньшей степени обращали или совсем не обращали исследователи словацкого языка, в частности, параметры, связанные с различными семантическими типами употребления (в англоязычной терминологии *levels*, ср. [Sweetser, 1990]).

Статья структурирована следующим образом. Во второй части описывается методология исследования. В третьей части рассматриваются свойства словацких причинных союзов и анализируется их связь с сочинением/подчинением. В четвертой части обсуждаются результаты и подводятся итоги исследования.

2. Методология исследования

Материалом для исследования послужил Словацкий национальный корпус [SNK] и грамматические описания словацкого языка. Кроме того, в работе в значительной степени использовался метод элицитации¹; при этом результаты, полученные из разных источников, сопоставлялись друг с другом.

Элицитация представляла собой перевод с русского на словацкий сбалансированной в отношении анализируемых параметров типологического варьирования анкеты, содержащей 45 полипредикативных причинных конструкций (на каждый стимул было получено по одному переводу)². С помощью этих переводов было выявлено, какие причинные показатели носитель употребляет наиболее естественно, после чего была проверена возможность употребления этих показателей во всех анкетных контекстах. Так, например, на первом этапе носитель переводил предложение «Поскольку сегодня твой день рождения, я купил тебе подарок» как *Kedže máš dnes narodeniny, kúpil som ti darček*. В результате анализа переводов всех анкетных предложений были выявлены причинные показатели (союзы) *pretože* (14 раз), *lebo* (12 раз) и *kedže* (11 раз), что подтверждает их трактовку в [Kesselová, 2013. С. 43] как центральных операторов причины. По одному разу использовались причинные союзы *kvôli tomu(.) že* и *za to(.) že*, а также дискурсивный маркер *ved'*. Кроме того, в качестве переводов русского условно-причинного стимула раз использовались словацкие условные союзы *ak* и *ked'* (3 и 2 раза соответственно). Затем носителю предлагалось оценить грамматичность предложений с заменой употребленного им причинного союза на ранее не использованные. При этом для каждого измененного предложения предлагалось выбрать один вариант грамматической оценки:

ОК – предложение звучит совершенно нормально.

? – звучит не совсем хорошо.

?? – звучит, скорее, не очень хорошо, я бы, возможно, так не сказал(а), но, может быть, есть люди, которые так скажут.

¹ К сожалению, в текущих условиях было возможно найти лишь одного носителя словацкого языка. Примеры, порожденные носителем в ходе элицитации, помечаются как (Quest).

² В переводе допускалась замена имен собственных.

* – предложение звучит очень плохо, так сказать нельзя.

Например:

ОК/?/?/* *Peter je spokojný, pretože k nemu prišiel kamarát.* [‘Петер доволен, потому что к нему пришел друг’]

=>

ОК *Peter je spokojný, pretože k nemu prišiel kamarát.*

Таким образом, на втором этапе анкетирования задание носителю, который перевел предложение (1а'), предлагалось оценить грамматичность предложений (1а'') и (1а'''), выделенных жирным:

(1а) Поскольку сегодня твой день рождения, я купил тебе подарок.

(1а') ***Ked'že*** *máš dnes narodeniny, kúpil som ti darček.*

(1а'') ***Pretože*** *máš dnes narodeniny, kúpil som ti darček.*

(1а''') ***Lebo*** *máš dnes narodeniny, kúpil som ti darček.*

На данный стимул носитель прислал следующий ответ:

(1b) ОК ***Pretože*** *máš dnes narodeniny, kúpil som ti darček.*

* ***Lebo*** *máš dnes narodeniny, kúpil som ti darček.*

Как видно, первое предложение было оценено им как грамматичное, а второе – как неграмматичное. Носителю также предлагалось, в случае желания, оставить свои комментарии, и этой возможностью он воспользовался. Так, в примере (1b) он предложил изменить порядок клауз: *Kúpil som ti darček, lebo máš dnes narodeniny* ‘Я купил тебе подарок, потому что (поскольку) у тебя день рождения’.

Несмотря на то что причинные клаузы часто считаются зависимыми, а отношения между главной и зависимой клаузой в полипредикативной причинной конструкции – подчинительными, некоторые причинные союзы в ряде языков ведут себя как сочинительные, а не подчинительные, ср. [Заика, 2019. С. 11]³. Согласно грамматике [Dvonč и др., 1966. С. 725, 734] союзы *ked'že* и *pretože* являются гипотактическими, что в русской терминологической традиции соответствует подчинительным отношениям. Союз *lebo*, согласно той же грамматике, может использоваться и как гипотактический (подчинительный), будучи основным и наиболее частотным причинным союзом (2), и как паратактический (сочинительный), если речь идет об объяснении (3). В работе [Gahér, 2001. С. 24] этот союз характеризуется как гетерогенный в отношении паратаксиса/гипотаксиса.

(2) *Urobím hôrku okolo neho, lebo včely nerady, keď sa im nablízku hurtuje.*

‘Я разожгу жар вокруг него, а то пчелы не любят, когда собираются возле них’ [Dvonč и др., 1966. С. 726].

(3) *Tretí sa podobá mravcovi, lebo tiež unesie ťažšie bremeno, než sám váži.*

‘Третий подобен муравью, потому что и он несет бремя тяжелее, чем весит сам’ [Там же].

В исследовании анализировались следующие типологически релевантные параметры клауз, вводимых рассматриваемыми причинными союзами: способность причинной клаузы стоять в препозиции и постпозиции по отношению к главной, способность причинной клаузы выступать с фокусными показателями и под отрицанием, способность причинной клаузы отвечать на вопрос ‘Почему?..’, семантический тип причинной клаузы (см. далее в 3.4). Данные па-

³ Анализ других словацких союзов в терминах паратаксиса/гипотаксиса на основании сопоставления логических, семантических и синтаксических факторов см. в [Gahér, 2001].

параметры ассоциируются с сочинительными/подчинительными свойствами клауз, в том числе причинных, ср. работы [Colson, 1993; Galán Rodríguez, 1995; Belyaev, 2015; Pekelis, 2022]⁴. Таким образом, сочинительность/подчинительность союза может трактоваться не как бинарное свойство, а как набор параметров, по которым показатель может быть сочинительным в одних отношениях и подчинительным в других (что демонстрируется в вышеупомянутых работах), хотя между этими параметрами может существовать корреляция. Разумеется, перечисленные параметры не являются единственными, используемыми при разграничении сочинения и подчинения (о других параметрах см. более подробно в работах [Belyaev, 2015; Pekelis, 2022]). Однако выявление значений остальных параметров представляется еще более трудоемким, как методом корпусного анализа, так и с помощью элицитации.

Для каждого из проверяемых параметров было создано несколько стимулов для перевода, при этом по возможности учитывались также данные корпуса [SNK] и грамматических описаний [Dvoňč и др., 1966; Kesselová, 2013]. Так, например, позиция причинной клаузы по отношению к клаузе, выражающей следствие, и способность выступать в фокусной позиции проверялась с помощью элицитации, на материале корпуса и грамматических описаний, а семантический тип преимущественно с помощью элицитации.

3. Свойства полипредикативных причинных конструкций в словацком языке

3.1. Порядок клауз

Такой параметр типологического варьирования причинных конструкций, как порядок клауз, является достаточно изученным как с типологической точки зрения (ср. работу [Diessel, 2001], в которой было отмечено тяготение причинных клауз к постпозиции), так и на материале словацкого языка [Kesselová, 2013]. Возможность препозиции клаузы наряду с постпозицией свидетельствует о подчинительных свойствах причинного союза, а ее отсутствие – о сочинительных, ср. анализ этого параметра на материале немецких и русских причинных союзов в [Scheffler, 2005; Belyaev, 2013. С. 41]⁵. В словацком языке типичные подчинительные союзы также способны вводить клаузы как в препозиции, так и в постпозиции, в отличие от сочинительных, что можно продемонстрировать на примере подчинительного временного союза *ked'*:

(4) *Ked' tu bola Hana po prvý raz a chcela si dosoliť polievku, pani Hedviga sa zhrozila.*

‘Когда Хана была здесь впервые и захотела досолить свой суп, госпожа Хедвига пришла в ужас’ [Dvoňč и др. 1966. С. 723].

(5) *Kultúrna revolúcia sa začala, ked' som mala sedem rokov.*

‘Культурная революция началась, когда мне было семь лет’ [SNK].

Союз *kedže* может вводить клаузу как в препозиции (6), так и в постпозиции (7), (8) по отношению к клаузе, выражающей следствие. В работе [Žigo, 2003. С. 186] отмечается, что клаузы, вводимые *kedže*, стоят в препозиции; в исследовании [Kesselová, 2013. С. 44] также отмечается тяготение таких клауз к начальной позиции. Корпусные данные демонстрируют возможность употребления причинной клаузы с союзом *kedže* в обеих позициях.

⁴ Ср. альтернативный подход в работе [Pekelis, 2022] и других работах, на которые ссылается автор, где различия между адвербиальными клаузами приписываются разным структурным уровням, связанным с разной степенью синтаксической интеграции с главной клаузой.

⁵ Альтернативная теоретическая позиция, согласно которой невозможность препозиции причинной клаузы с союзом *потому что* обуславливается информационной структурой предложения (тематическим статусом клаузы), предложена в [Pekelis, 2022. С. 1412].

(6) *Ked'že máš dnes narodeniny, kúpil som ti darček.*

‘Поскольку сегодня твой день рождения, я купил тебе подарок’ (Quest).

(7) ^{OK} *Môj kamarát odišiel, ked'že ho urazili* (Quest).

‘Мой друг ушел, потому его оскорбили.’

(8) *Po zápase však toľko radosti ako pri góle určite nemá, ked'že spolu so svojimi spoluhráčmi nedokázali dokráčať do víťazného konca.*

‘Однако после матча он определенно не испытал такой радости, как от гола, поскольку он и его товарищи по команде не смогли достичь победного конца’ [SNK].

Клауза, вводимая союзом *pretože*, также может стоять как в препозиции, так и в постпозиции, однако, как отмечено в работе [Kesselová, 2013. С. 45], в основном тяготеет к постпозиции. Среди 100 первых примеров выдачи по лемме *pretože* в корпусе [SNK] было обнаружено 96 примеров с постпозицией причинной клаузы, куда включались случаи парцелляции (9), и лишь 4 примера с препозицией, среди которых один сопровождался союзом *a*.

(9) *A toto je ďalší dôkaz. Pretože ak by bol Omurtag pohan, miesto Boha by spomenul bohyňu Tangra.*

‘И это еще одно доказательство. Потому что, если бы Омуртаг был язычником, он бы вместо Бога упомянул богиню Тангра’ [SNK].

Таким образом, несмотря на то что некоторые прескриптивисты не рекомендуют употребление причинных клауз с союзом *pretože* в препозиции, оно допускается в речи носителей языка (10) и встречается в корпусе (11).

(10) ^{OK} *Pretože nemá peniaze, nemôže si kúpiť nové auto.*

‘Поскольку у него нет денег, он не может купить себе новую машину’ (Quest).

(11) *Pretože ide o mimoriadnu situáciu, nezamestnaných nebudeme zatiaľ vyradovať z evidencie ani po odmietnutí ponuky.*

‘Поскольку это чрезвычайная ситуация, мы не будем снимать безработных с учета даже после отклонения предложения’ [SNK].

Клауза, вводимая союзом *lebo*, может стоять исключительно в постпозиции, ср. пример (16) и комментарий к нему.

Таким образом, с точки зрения позиции вводимой клаузы союз *ked'že* ведет себя как подчинительный, союз *pretože* занимает промежуточное положение, тяготея к сочинению, а союз *lebo* ведет себя как сочинительный.

3.2. Употребление с фокусными частицами и под отрицанием

Возможность употребления клаузы в фокусной позиции, например, с ограничительными частицами, и под отрицанием также свидетельствует о подчинительных свойствах соответствующего союза [Belyaev, 2015. С. 44–45]. В словацком языке типичные подчинительные союзы обладают таким свойством, ср. поведение подчинительного союза *ked'*:

(12) *Spomenú ho, len ked' sa im páči.*

‘Они упоминают его только тогда, когда он им нравится’ [SNK].

Для союза *lebo* невозможность употребления с ограничительными частицами типа *len* ‘только’ отмечена в [Kesselová, 2013. С. 47], ср. (13). Употребление *pretože* с такими частицами возможно, однако только в расчлененном варианте, когда части союза формально относятся

к разным клаузам (14), ср. [Kesselová, 2013. С. 47]. Отметим, что употребление ограничительных частиц с расчлененными вариантами союзов, при их наличии, вообще характерно для славянских языков.

(13) * *Peter meškal len lebo si nenastavil budík.*

Ожидаемое значение: ‘Петер опоздал только потому, что не завел будильник’ (Quest).

(14) [*Peter meškal len preto*], [*že si nenastavil budík*].

‘Петер опоздал только потому, что не завел будильник’ (Quest).

Употребление с ограничительными частицами возможно и при использовании союза *preto*, *lebo*, являющего по сути контаминацией союзов *pretože* и *lebo*, однако поведение клауз с этим союзом выходит за рамки настоящего исследования.

(15) *Peter meškal len preto, lebo si nenastavil budík.* ‘То же’ (Quest).

Употребление союза *kedže* с ограничительными частицами носителями не одобряется:

(16) **Peter meškal len kedže si nenastavil budík.*

Ожидаемое значение: ‘Петер опоздал только потому, что не завел будильник’ (Quest).

* *Dieťa plače len kedže chce spať.*

Ожидаемое значение: ‘Ребенок плачет только потому, что хочет спать’.

Под отрицанием может использоваться союз *pretože*, также только в расчлененном виде. Употребления союзов *lebo* и *kedže* под отрицанием в корпусе [SNK] не обнаруживается, и носителем подобные примеры не одобряются.

(17) *Áno, ale nie preto, že sa tak rozhodli.*

‘Да, но не потому, что они так решили’ [SNK].

3.3. Способность отвечать на вопрос ‘Почему?..’

Способность некоторых союзов вводить клаузу при ответе на вопрос отмечается в работе [Belyaev, 2015. С. 44–45] и считается признаком подчинительных клауз, ср. поведение временного союза *ked’* в словацком языке:

(18) *Kedy sa stáva krtko sadistom? Ked’ si nájde domov pod golfovým ihriskom.*

Когда крот становится садистом? Когда он находит дом под полем для гольфа [SNK].

Еще в работе [Kesselová, 2013. С. 46] отмечается, что союзы *lebo* и *pretože* способны вводить ответ на вопрос *Prečo?..* ‘Почему?..’, тогда как союз *kedže* не способен вводить ответ на этот вопрос, ср. также пример из анкеты (19).

(19) *Prečo mačky jedia ryby? Lebo sú veľmi chutné.*

^{OK} *Prečo mačky jedia ryby? Pretože sú veľmi chutné.*

* *Prečo mačky jedia ryby? Kedže sú veľmi chutné.*

‘Почему коты едят рыбу? Потому что она очень вкусная’ (Quest).

Отметим типологически нетривиальное с точки зрения формальных признаков сочинительности/подчинительности поведение союза *lebo*: в отношении одного фокусного признака (способности выступать с ограничительными частицами) он ведет себя как сочинительный, а в отношении другого (способность отвечать на вопрос ‘Почему?..’) – как подчинительный.

3.4. Семантические особенности

Рассмотрим возможность употребления словацких причинных союзов в различных семантических типах значения (в другой терминологии – уровнях интерпретации). При выделении данных типов мы следуем за известной работой [Sweetser, 1990]⁶, на которую в значительной степени опираются многие современные исследования причинных конструкций (среди наиболее поздних работ, ср., например, [Pekelis, 2022; Jędrzejowski, Fleczonek, 2023b; Frey, 2023]) и в которой выделяются такие уровни интерпретации, как содержательный (content level), эпистемический (epistemic level) и иллокутивный (speech-act level), ср. пример (20).

(20a) *John came back **because** he loved her.*

(20б) *John loved her; **because** he came back.*

(20в) *What are you doing tonight, **because** there's a good movie on* [Sweetser, 1990. С. 77].

В собственно-причинных конструкциях, соответствующих содержательному уровню, речь идет о причинно-следственных отношениях в реальном мире (20а). Так, любовь Джона является причиной его возвращения. В эпистемических (инферентивных) конструкциях утверждение в зависимой клаузе является причиной вывода в главной клаузе (20б): возвращение Джона является не причиной его любви, а причиной, на основании которой говорящий делает вывод о его любви. При иллокутивном употреблении причинных конструкций зависимая клауза является причиной речевого акта, выраженного в главной клаузе (20в): говорящий задает вопрос о планах слушающего, поскольку идет хорошее кино.

Связь возможности эпистемического и иллокутивного употребления причинных клауз с сочинительностью конструкции отмечалась в [Colson, 1993] для французских причинных союзов, [Galán Rodríguez, 1995] для испанских, [Scheffler, 2013] для немецких, [Belayev, 2015] для русских и в типологической перспективе. В частности, она обоснована тем, что клаузы в сочинительных конструкциях могут обладать собственной иллокутивной силой (например, вопроса или приказа) в отличие от подчинительных. Отметим, что на этот аспект дистрибуции причинных союзов исследователи словацкого языка обращали наименьшее внимание.

В словацком языке в собственно-причинном значении могут выступать клаузы, вводимые всеми тремя рассматриваемыми союзами:

(21) *Všetky ulice sú biele, **lebo** v noci snežilo.*

OK *Všetky ulice sú biele, **pretože** v noci snežilo.*

OK *Všetky ulice sú biele, **keďže** v noci snežilo.*

‘Все улицы белые, потому что ночью прошел снег’ (Quest).

(22) *Peter dovolil svojej dcére, aby odišla do mesta, **pretože** po tom veľmi túžila.*

OK *Peter dovolil svojej dcére, aby odišla do mesta, **lebo** po tom veľmi túžila.*

OK *Peter dovolil svojej dcére, aby odišla do mesta, **keďže** po tom veľmi túžila.*

‘Петер разрешил своей дочери уехать в город, потому что она этого очень хотела’ (Quest).

Как видно из приведенных примеров, все рассматриваемые союзы способны выступать как для обозначения собственно причины, обусловленной физическим устройством окружающего мира, так и мотива, т. е. в ситуации, при которой субъект главной клаузы обладает агентивностью и волиитивностью.

В эпистемических контекстах также могут выступать все три рассматриваемых союза, ср. примеры без модальных выражений неуверенности (23) и с модальными выражениями, часто встречающимися в таких контекстах (24)–(25). При этом действуют стандартные ограниче-

⁶ Сама семантическая классификация адвербиальных клауз датируется 1977 годом, ср. историю этой классификации в [Jędrzejowski, Fleczonek, 2023a. С. 2].

ния на порядок клауз, при которых причинная клауза, вводимая союзом *lebo*, не может стоять в постпозиции (24).

(23) *Pršalo, pretože ulice sú mokré.*

OK *Pršalo, lebo sú mokré ulice.*

OK *Pršalo, keďže sú mokré ulice.*

‘Дождь прошел, потому что все улицы мокрые’ (Quest).

(24) * *Lebo/ OK keďže učiteľ neprišiel do triedy, zrejme ochorel.*

‘Раз учитель не пришел в класс, наверное, он заболел’.

(25) *Možno nemal rád Južanov, lebo vzápätí namieril na nešťastné zviera svoju pištoľ.*⁷

‘Может быть, южан [опоссумов из южных штатов] он не любил, потому что он сразу направил на несчастное животное свой пистолет’ [SNK].

Рассмотрим теперь употребление словацких союзов в иллокутивных контекстах с императивной и вопросительной модальностью. В иллокутивных контекстах с императивной модальностью также возможно употребление всех трех рассматриваемых союзов, однако при постпозиции причинной клаузы (в рематической позиции) возможны лишь союзы *lebo* и *pretože*, но не *keďže* (26), а при препозиции причинной клаузы (в тематической позиции) возможны *keďže* и *pretože*, но не *lebo* (27). Таким образом, ограничения на порядок клауз в иллокутивных императивных конструкциях достаточно близки к ограничениям в собственно причинных клаузах.

(26) *Prestaň sa už chystať, lebo nestihneš vlak.*

OK *Prestaň sa už chystať, pretože nestihneš vlak.*

* *Prestaň sa už chystať, keďže nestihneš vlak.*

‘Заканчивай собираться, а то не успеешь на поезд’.

(27) OK *Pretože tu teda nie je nič zaujímavé, poďme na iné miesto!*

* *Lebo tu teda nie je nič zaujímavé, poďme na iné miesto!*

OK *Keďže tu teda nie je nič zaujímavé, poďme na iné miesto!*

Раз здесь нет ничего интересного, пошли в другое место!⁸

Иллокутивные контексты с вопросительной модальностью допускают употребление союзов *lebo* и *pretože*, но не *keďže* (29)–(31).

(29) *Kedy sa skončí to predstavenie? Lebo už trvá veľmi dlho...*

Kedy sa skončí to predstavenie? Pretože už trvá veľmi dlho...

*Kedy sa skončí to predstavenie? * Keďže už trvá veľmi dlho...*

Когда кончится спектакль, а то он очень долго идет?

(30) *Aké budú spomienky dnešných prvákov na školu, na učiteľov?* [elipsa = pýtam sa preto] *Lebo rastie počet mladých ľudí, ktorí pre školu a učiteľa nenájdu jediné slovo vďaka.*

‘Какими останутся воспоминания нынешних первокурсников об учебном заведении и учителях? [эллипсис = Я спрашиваю вот почему] Потому что растет количество мо-

⁷ Эпистемических контекстов с союзами *pretože* (*preto, že*) и *keďže* в [SNK] с помощью тривиальных поисковых запросов обнаружить не удалось, что может быть связано с объективной редкостью таких контекстов среди других типов семантических контекстов.

⁸ В приведенном контексте возможно также употребление показателя *ak*: (28) *Ak tu teda nie je nič zaujímavé, poďme na iné miesto!* ‘Раз здесь нет ничего интересного, пошли в другое место!’, однако его рассмотрение остается за рамками внимания настоящего исследования.

лодых людей, которые для учебного заведения и учителя не найдут ни одного слова благодарности' [Kesselová, 2013. С. 46].

(31) *Za akých okolností by bol takýto podnik osožný pre oboch partnerov? Kto bude toto zariadenie kontrolovať? Ktorá firma?* [elipsa = pýtam sa] **Pretože** *vlastník transportného systému bude potom kontrolovať nigérijské nerastné bohatstvo účinnejšie než obyvatelia Nigérie.*

‘При каких обстоятельствах такое предприятие будет выгодно обоим партнерам? Кто будет управлять этим оборудованием? Какая фирма? [эллипсис = Я спрашиваю вот почему] Потому что владелец транспортной системы будет тогда контролировать минеральные богатства Нигерии более эффективно, чем народ Нигерии’ [Kesselová, 2013. С. 46].

Отметим, что возможность употребления в иллокутивных конструкциях с вопросительной модальностью Я. Кесселова приписывает лишь союзам *lebo* и *pretože*, сопоставляемым с союзом *keďže*. Эксплицитно автор при этом не постулирует запрета иллокутивно-вопросительных конструкций с *keďže*, однако его можно ожидать, поскольку для этого союза примеры таких конструкций не приводятся. Это подтверждается и запретом носителя (29).

4. Обсуждение результатов

Подход, при котором разница между двумя грамматическими явлениями может быть описана не в виде шкалы, а в виде набора бинарных параметров, достаточно характерен для лингвистических исследований, ср. понятие переходности (противопоставленного непереходности) [Norper, Thompson, 1980], критерии слова, отделяющие его от других единиц [Haspelmath, 2011], критерии разграничения клитик и аффиксов [Zwicky, Pullum, 1983], критерии противопоставления дериватом и словоизменительных морфем [Мельчук, 1997]. Думается, что такой подход оправдан и при разграничении сочинения и подчинения, в частности, применительно к полипредикативным причинным конструкциям.

Резюмируем свойства рассматриваемых словацких союзов в виде таблицы, в которой значения параметров, связываемые с сочинительными свойствами, выделены темно-серым цветом, значения параметров, связанные с подчинительными свойствами оставлены без заливки, а промежуточный случай выделен светло-серым цветом⁹. Как видно, сочинительные/подчинительные свойства словацких союзов не устроены иерархично: из наличия одного сочинительного свойства не следует наличие другого.

Отметим, что каждый из трех рассмотренных причинных союзов демонстрирует признаки как сочинения, так и подчинения. Так, наибольшим количеством сочинительных свойств (пять из шести) обладает союз *lebo*, что, вероятно, связано с его происхождением из дискурсивных маркеров, употреблявшихся в сочинительных конструкциях, а наибольшим количеством подчинительных свойств обладает союз *keďže*. При этом союз *lebo* обладает нетривиальной особенностью – «рассогласованием» по параметрам, связанным со способностью клаузы занимать фокусную позицию: употреблению с выделительными частицами и возможностью ответа на вопрос ‘Почему?..’. Такой же особенностью обладают украинский союз *бо* и белорусский союз *бо*¹⁰, которые ранее функционировали как показатели с причинным значением в сочинительных конструкциях, а для русского союза *ибо* возможность употребления при ответе на вопрос зафиксирована в ограниченной степени [Pekelis, 2022. С. 1422]. Таким образом, можно предположить, что одни подчинительные свойства могут приобретаться сочинительным союзом раньше, чем другие. Союз *pretože* в отношении семантических параметров ведет

⁹ Речь идет о препозиции причинной клаузы с союзом *pretože*, возможность которой крайне ограничена (см. раздел 3.1).

¹⁰ В диалектах словацкого языка также существует союз *bo*.

Сочинительные/подчинительные свойства словацких причинных союзов

Slovak causal conjunctions in terms of coordination vs. subordination

Критерии сочинения/подчинения	<i>lebo</i>	<i>pretože</i>	<i>keďže</i>
употребление в эпистемических контекстах	+	+	+
употребление в иллокутивных конструкциях с императивной модальностью	+	+	+
употребление в иллокутивных конструкциях с вопросительной модальностью	+	+	–
препозиция причинной клаузы	–	–/+	+
употребление с выделительными частицами и под отрицанием	–	+	–
возможность употребления показателя при ответе на вопрос ‘Почему?..’	+	+	–

себя как сочинительный, а в отношении параметров, связанных с возможностью фокализации – как подчинительный. Отметим, что схожим образом ведет себя русский союз *потому что*, украинский *тому що*, чешский *protože*. Союз *keďže* ведет себя неоднородно в плане употребления в иллокутивных конструкциях: он может употребляться в конструкциях с императивной модальностью, но не вопросительной¹¹, при том что во многих работах эти два свойства объединяются в один параметр варьирования, ср. [Sweetser, 1990; Colson, 1993] и др.

Перспективами данного исследования могут стать как дальнейшее исследование сочинительных и подчинительных свойств менее частотных словацких союзов, так и сопоставление дистрибутивных свойств уже описанных союзов и союзов других славянских языков. Предварительный анализ показывает¹², что по крайней мере для славянского ареала наличие причинных союзов, сочетающих признаки сочинения и подчинения, вполне характерно.

Список литературы

- Заика Н. М.** Полипредикативные причинные конструкции в языках мира: пространство типологических возможностей // Вопросы языкознания. 2019. № 4. С. 7–32.
- Мельчук И. А.** Курс общей морфологии. Т. 1, Москва – Вена: Языки русской культуры // Венский славистический альманах. М.: Прогресс, 1997.
- Belyaev O.** Cause in Russian and the formal typology of coordination and subordination // Donvm Semanticvm. Opera lingvistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Ros-sicis oblata. Аркадьев П., Капитонов И., Ландер Ю., Рахилина Е., Татевосов С. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2015. Р. 36–67.
- Colson J.** Bonnes raisons et causes douteuses: les propositions de cause en anglais et en français // Palimpsestes. 1993. Vol. 7. P. 55–71.
- Diessel H.** The ordering distribution of main and adverbial clauses: A typological study // Language. 2001. Vol. 3(77). P. 433–455.
- Dvonč L., Horák G., Miko F., Mistrík J., Oravec J., Ružička J., Urbančok M.** Morfológia slovenského jazyka. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied. 1966.
- Gahér F.** O vetných spojkách: logika verus lingvistika // Jazykovedný časopis. 2001. № 52 (1). P. 23–37.

¹¹ Таким же свойством обладает союз *потому что* в русском языке [Pekelis, 2022].

¹² Значение существенной части релевантных параметров типологического варьирования указаны в базе данных [Zaika, 2022].

- Galán Rodríguez C.** Las oraciones causales: propuesta de clasificación // Anuario de estudios filológicos. 1995. Vol. XVIII. P. 125–158.
- Guseva E. R.** Dialect new growths as result of interlingual interference: the conjugations in dialects of Russian North // Journal of International Scientific Publications: Language, Individual & Society. 2012. Vol. 6, Part 2. P. 4–15.
- Frey W.** Types of German causal clauses and their syntactic-semantic layers // Micro- and Macro-variation of Causal Clauses. Synchronic and Diachronic Insights. Jędrzejowski L., Fleczonek C. (eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2023. P. 51–100.
- Haspelmath M.** The indeterminacy of word segmentation and the nature of morphology and syntax // Folia Linguistica. 2011. Vol. 45 (1). P. 31–80.
- Hopper P. J., Thompson S.** Transitivity in Grammar and Discourse // Language. 1980. Vol. 56, no. 2. (Jun.). P. 251–299.
- Jędrzejowski L., Fleczonek C.** Outline of the volume // Micro- and Macro-variation of Causal Clauses. Synchronic and Diachronic Insights. Jędrzejowski L., Fleczonek C. (eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2023a. P. 1–12.
- Jędrzejowski L., Fleczonek C.** Adverbial clauses and their variation. The case of causal clauses in German // Micro- and Macro-variation of Causal Clauses. Synchronic and Diachronic Insights. Jędrzejowski L., Fleczonek C. (eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2023b. P. 15–48.
- Kesselová J.** Korpusová sonda do operátorov príčinného vzťahu v slovenčine // Сучасні тенденції славістики. Ужгород: Вид-во Олександри Гаркуші, 2013. С. 41–53.
- Pekelis O.** On the oppositions that underlie the distinctions displayed by Russian causal clauses // Linguistics. 2022. Vol. 60 (5). P. 1399–1449.
- Scheffler T.** Syntax and semantics of causal denn in German // Proc. of the Fifteen Amsterdam Colloquium. Dekker P., Franke M. (eds.). Amsterdam: ILLC/Department of Philosophy, 2005. P. 215–220.
- Scheffler T.** Two-dimensional semantics: Clausal adjuncts and complements. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013.
- SNK – Slovenský národný korpus** (<https://bonito.korpus.sk>). (accessed: 10.04.2024).
- Sweetser E.** From etymology to pragmatics: The mind-body metaphor in semantic structure and semantic change. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Zaika N. M.** Clausal Causal Markers in the Languages of Europe: A Database. 2022. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7434757>. (accessed: 10.04.2024).
- Žigo P.** Vedl'ajšie vety príčiny a vedl'ajšie vety účelu v slovenských nárečiach // Hrvatski Dijalektološki zbornik. 2003. Kn. 12. P. 181–188.
- Zwicky A., Pullum G.** Cliticization vs. Inflection: English N'T // Language. 1983. Vol. 59 (3). P. 502–513.

References

- Belyaev O.** Cause in Russian and the formal typology of coordination and subordination. Donvm Semanticvm. Opera lingvistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rosicis oblata. Arkad'ev P., Kapitonov I., Lander Ju., Rahilina E., Tatevosov S. (eds.) Moscow, Jazyki slavjanskikh kul'tur, 2015, pp. 36–67.
- Colson J.** Bonnes raisons et causes douteuses: les propositions de cause en anglais et en français. *Palimpsestes*, 1993, vol. 7, pp. 55–71.
- Diessel H.** The ordering distribution of main and adverbial clauses: A typological study. *Language*, 2001, vol. 3(77), pp. 433–455.
- Dvonč L., Horák G., Miko F., Mistrík J., Oravec J., Ružička J., Urbančok M.** *Morfológia slovenského jazyka*. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied., 1966.

- Gahér F.** O vetných spojkách: logika verzus lingvistika. *Jazykovedný časopis*, 2001, № 52 (1), pp. 23–37.
- Galán Rodríguez C.** Las oraciones causales: propuesta de clasificación. *Anuario de estudios filológicos*, 1995, vol. XVIII, pp. 125–158.
- Guseva E. R.** Dialect new growths as result of interlingual interference: the conjugations in dialects of Russian North. *Journal of International Scientific Publications: Language, Individual & Society*, 2012, vol. 6, part 2, pp. 4–15.
- Frey W.** Types of German causal clauses and their syntactic-semantic layers. *Micro- and Macro-variation of Causal Clauses. Synchronic and Diachronic Insights*. Jędrzejowski L., Fleczonek C. (eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2023, pp. 51–100.
- Haspelmath M.** The indeterminacy of word segmentation and the nature of morphology and syntax. *Folia Linguistica*, 2011, vol. 45(1), pp. 31–80.
- Hopper P. J., Thompson S.** Transitivity in Grammar and Discourse. *Language*, 1980, vol. 56, no. 2. (Jun.), pp. 251–299.
- Jędrzejowski L., Fleczonek C.** Outline of the volume. *Micro- and Macro-variation of Causal Clauses. Synchronic and Diachronic Insights*. Jędrzejowski L., Fleczonek C. (eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2023a, pp. 1–12.
- Jędrzejowski L., Fleczonek C.** Adverbial clauses and their variation. The case of causal clauses in German. *Micro- and Macro-variation of Causal Clauses. Synchronic and Diachronic Insights*. Jędrzejowski L., Fleczonek C. (eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2023b, pp. 15–48.
- Kesselová J.** Korpusová sonda do operátorov príčinného vzťahu v slovenčine. *Suchasni tendencie slavistiky. Uzhgorod: Vid-vo Oleksandri Garkushi*, 2013, pp. 41–53.
- Mel'čuk I. A.** *A course of Russian Morphology*. Vol. 1, Moscow – Vienna: Jazyki russkoj kul'tury, Venskij slavisticheskij al'manah, Moscow, Progress, 1997. (In Russ.)
- Pekelis O.** On the oppositions that underlie the distinctions displayed by Russian causal clauses. *Linguistics*, 2022, vol. 60(5), pp. 1399–1449.
- Scheffler T.** Syntax and semantics of causal denn in German. *Proc. of the Fifteen Amsterdam Colloquium*. Dekker P., Franke M. (eds.). Amsterdam: ILLC/Department of Philosophy, 2005, pp. 215–220.
- Scheffler T.** Two-dimensional semantics: Clausal adjuncts and complements. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013.
- SNK – Slovenský národný korpus** (<https://bonito.korpus.sk>). (accessed on 10.04.2024)
- Sweetser E.** From etymology to pragmatics: The mind-body metaphor in semantic structure and semantic change. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Zaika N. M.** Polypredicative reason constructions in the world's languages: Typological parameters. *Voprosy jazykoznanija*, 2019, № 4, pp. 7–32. (in Russ.)
- Zaika N. M.** *Clausal Causal Markers in the Languages of Europe: A Database*. 2022. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7434757>. (accessed on 10.04.2024)
- Žigo P.** Vedl'ajšie vety príčiny a vedl'ajšie vety účelu v slovenských nárečiach. *Hrvatski Dijalektološki zbornik*, 2003, vol. 12, pp. 181–188.
- Zwicky A., Pullum G.** Cliticization vs. Inflection: English N'T. *Language*, 1983, vol. 59 (3), pp. 502–513.

Информация об авторе

Заика Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая лабораторией типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН

Information about the Author

Natalia M. Zaika, PhD, Lead Researcher, Head of the Laboratory of Linguistic Typology at the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences

*Статья поступила в редакцию 13.04.2024;
одобрена после рецензирования 16.10.2024; принята к публикации 18.10.2024*

*The article was submitted 13.04.2024;
approved after reviewing 16.10.2024; accepted for publication 18.10.2024*